Невинный трофей для охотника

Автор:
Лана Морриган

Невинный трофей для охотника

Лана Морриган

Любовь на века #7

Я пытаюсь выжить в мире, где правят оборотни и вампиры, а человек для них пустое место. Но всё изменилось в тот миг, когда я встретила Его. ***Жизнь охотника – игра со смертью, где нет места любви, семье или друзьям, и каждый заказ может оказаться последним. Но испуганная девчонка из трущоб на окраине города вынудила меня нарушить собственные правила.

Лана Морриган

Невинный трофей для охотника

Пролог

– Не трогайте меня! – девчонка визжит так, что в ушах зазвенело.

– Я не пущу тебя в таком виде. Не хочу потом травить блох, – я заталкиваю ее в ванную и закрываю дверь.

– У меня нет блох. Я моюсь.

– Или делаешь, как я скажу, или можешь валить на все четыре стороны! – рявкаю.

Еще в детстве я давал обещание тетке, а позже и самому себе, не тащить в дом бездомных кошек и собак… хотя я и сейчас не нарушил. Девчонка не тянула на хромого щенка, если только на взъерошенного котенка, что испуганно шипит при каждом моем движении.

– Не трогайте, сказала! Я так и знала, что за предложением «просто жилья» скрывалось нечто другое, – она поправляет вязаную шапку, натягивая до самых бровей.

Делает вид, что уходить собралась. Ну, ну.

– И что же, по-твоему, за моим великодушным предложением скрыто?

– Да ничего особенного. «Того самого» захотелось! – мелкая на носочки привстала, локти в стороны – точно боевой воробей.

– Это чего это «того самого»? – спросил я, насмехаясь.

Девчонка краской залилась, но нос крошечный вздернула и громко ответила:

– Секса!

– Ой, прости, – я не удержался и расхохотался.

Воробей боевой настрой подрастерял, захлопал растерянно зелеными глазищами.

– Ну хватит уже, – жалобно пропищала Соня.

Я хохотал, уперев ладони в колени, пока порозовевшее лицо девчонки не приняло естественный телесный вид.

– Чего это? Ты пошутила – я посмеялся. А теперь серьезно, – я выпрямился. – Запомни, котенок или клопенок, я еще не определился, будешь глупости говорить, сразу на улицу вылетишь, вернешься в свой грязный вагончик, где из мебели – матрас, а из посуды – алюминиевая ложка. Поняла?

– Да, – тихо ответила она.

– Вот и отлично, а теперь раздевайся и лезь в ванну.

– Вы выйдете?

– Еще чего, я пакет подержу, чтобы тебе удобнее тряпье было выкидывать.

Я подталкиваю мусорное ведро ногой и указываю на него пальцем:

– Сюда складывай.

– Это моя единственная одежда, – Соня запахивает плотнее полы застиранной куртки, покрытой слоем еще не высохшей грязи. – Я постираю.

– Стирай, – я опираюсь на дверной косяк и с безразличием наблюдаю.

Куртку снимает, смотрит в глаза с вызовом, к совести, наверное, призвать пытается или стыду.

– Дай осмотрю, – я отталкиваюсь плечом.

– Зачем? – Соня прижимает грязное “сокровище” к безразмерной шерстяной водолазке.

– Хочу удостовериться, что ты не решишь отблагодарить меня ночью, – девчонка опять заливается краской, – ножичком куда-нибудь под ребра.

– Да смотрите.

Прощупываю и осматриваю куртку с подкладочной стороны:

– Ноги поставь на ширину плеч, – я кладу куртку на стиральную машину.

– Что? Я не буду этого делать! – пятится, пока не наталкивается на край ванны.

– Кажется, мы уже определились, что даже в голодный год я вряд ли рассмотрю в тебе женщину. Максимум – котенка недокормленного.

– А говорили «клопенка» – огрызается мелкая.

– А еще я говорил, что не определился, на кого ты больше похожа. Ну! Или выход там, – кивком указываю на дверь.

Девчонка отставляет одну ногу и раскидывает руки в стороны, отрешенно поднимая голову к потолку.

– Смотрю, опыт есть, да?

Молчит, глаза зажмуривает, будто и вправду насиловать собрался. Провожу ладонями вдоль тонких рук – ее пальцы подрагивают. Спускаюсь вдоль талии – хрупкое тело ходуном ходит.

– Да прекрати трястись, сказал же, не трону, – присаживаюсь, прощупывая низ штанин.

– А может мне нравится! – фыркает Соня.

– А лет-то тебе сколько? Нравится ей…

– В феврале будет девятнадцать, – девчонка сдергивает со стиральной машины куртку и достает из внутреннего кармана бережно обёрнутый в целлофановый пакет паспорт.

– Вот! – я не успеваю встать, а мне тыкают им в нос.

Не врала клопенок, и правда в феврале девятнадцать.

– Сейчас тебе принесу что-нибудь чистое. Оставлю за дверью, – произношу я.

Выхожу из ванной, костеря себя сквозь зубы:

– Заигрался, идиот. Она же говорила, что уже взрослая.

Глава 1. Соня

– Молчи! – Маша холодной ладонью накрывает мой рот.

Каждую ночь мы вынуждены прятаться в укрытии под завалами мусора. Я замираю в ту же секунду, полагаясь на острый слух сестры. Некоторое время ничего не происходит, но вскоре я улавливаю размеренные шаги. Тяжелые, уверенные. Тот, кто сейчас наверху, не скрывает своего присутствия. Мужчина откашливается, что-то говорит, скорее всего, ругательство, если судить по интонации, с которой он нечленораздельно выплевывает звуки.

Мы, не сговариваясь, поднимаем взгляд на крышку люка. Старая дверца холодильника и пустые пластиковые бутылки служат нам единственной защитой. Хруст пластика, дверца проседает под тяжестью, и по узкому лазу осыпаются мелкие камушки и песок.

«Как же громко» – пульсирует в голове.

Он точно услышит, поймет, что под ногами пустота.

Мотаю головой, стряхивая мусор, что сыплется на лицо: песок прилипает к влажной от волнения коже, а частицы покрупнее скатываются за шиворот.

Шаги замолкают – и я перестаю дышать.

До чего же страшно!

Я зажмуриваю глаза и считаю: один, два, три, четыре, пять – очередной шаг.

Сердце заходится еще быстрее. Грохот стеклянных бутылок. Тот, кто сейчас над нами, расшвыривает мусор, ищет. Что он ищет?! О нашем с сестрой убежище знаем только мы. А рассмотреть под грудой старого мусора крохотную, больше похожую на колодец, землянку невозможно.

Шесть.

Семь.

Восемь – стараюсь отвлечься от звуков.

Девять.

– М-м-м, – испуганно мычу, когда что-то с уханьем падает на железную дверцу, скатывается и продолжает громыхать по неровному асфальту.

Сестра встряхивает меня и плотнее ладонью зажимает рот.

Десять.

Одиннадцать, – продолжаю счет, а в глазах скапливаются слезы отчаяния.

Неужели все? Сейчас оборвутся наши жизни?

– Иду! – мужской крик леденящим страхом пронзает вдоль позвоночника.

Хруст, грохот и торопливые шаги становятся все тише. Маша разжимает пальцы, разрешая мне сделать полноценный вдох:

– Сегодня повезло, – произносит она.

Я согласно киваю.

– Охотник. Живодеры всегда роем перемещаются, и точно бы нас нашли. У тебя сердце колотилось так, что любой оглохнет.

– В следующий раз прячься одна, – произношу я без обиды и обвинений.

– Сонь, ты дура, скажи честно?

– Но без меня твои шансы выжить увеличиваются в несколько раз. Сегодня охотник, а завтра они, – спорю я.

– Точно дура, – шепчет Маша , включая фонарик. – До рассвета четыре часа, спи, – свет гаснет, и я заворачиваюсь в старое ватное одеяло, прижимаясь плечом к земляной стене. Спать в положении сидя я научилась не сразу, только спустя пару недель. Отключалась от усталости и просыпалась от того, что тело полностью немело. Приходилось вставать, топтаться в крохотном прямоугольном пространстве, где ширину можно измерить, если упереть локти, а длину – тремя широкими шагами. Наше убежище – могила при жизни.

***

– Подъем, – Маша трясет меня за плечо. – Просыпайся, скоро рассвет.

– Я слышу. Слышу, – скидываю одеяло и медленно поднимаюсь на ноги. – О, боже, – кровь поступает к онемевшим конечностям, и хочется выть от боли. – Ай, – делаю крохотный шажок. – Ой, мамочки, – хватаюсь за земляные стены в поисках опоры.

– Поторопись, рассветет минут через двадцать.

Я поднимаю голову к узкому лазу. Внутренняя, белая сторона дверцы холодильника выглядит темно-серой, а сквозь щели проникает только тьма.

– Еще ночь, – возражаю я.

– Нам нельзя рисковать. Если кто-то заметит, сдаст в первую же охоту живодеров.

Маша первой поднимается по шаткой деревянной лестнице, наспех сколоченной ржавыми гвоздями и, для безопасности, связанной тонким синтетическим шнуром.

Приподнимает «люк» осматривается и сдвигает его в сторону.

– Быстрее, – за протянутую ладонь Маша выдергивает меня из душного помещения на свежий, морозный воздух. – Разжигай печь, а я быстро за водой. В таком виде нельзя появляться на работе.

У входа в вагончик сестра подхватывает старые эмалированные ведра и спешит к колодцу у дальнего края участка.

Я радостно растираю руки, подставляя пальцы языкам пламени. С порывом ветра старая печь выплевывает пепел и выдыхает едким дымом окрашенной древесины.

– Нижнюю дверку приоткрой, тяги нет, – Маша водружает ведро на чугунные кольца поверхности печи. – Купайся первая. Сегодня на улице минус, обязательно тщательно просуши волосы. Не хватало, чтобы ты свалилась с простудой как прошлой зимой.

Еще год назад я не могла и вообразить, что нормальная жизнь рухнет в один момент. Я испытывала шок, выслушивая истории, в которых люди лишаются всего и не могут противостоять обстоятельствам, с осуждением и пренебрежением покачивая головой, а сейчас оказалась на их месте. Разве я знала, что буду купаться в старом алюминиевом тазике, чудом уцелевшим в сарае и не попавшимся на глаза сборщикам металла? Или работать в продуктовом магазинчике, расположенном на выезде города, улыбаться проезжим и дальнобойщикам, надеясь, что мне кинут пару лишних монет в баночку для чаевых, а не одарят сальным комплиментом? Нет, я была уверена, что моя жизнь будет прекрасна. Я поступлю в университет и с успехом окончу его, а параллельно открою свою школу гимнастики. Начну, конечно же, с малого, но меня точно ожидал бы успех. Я гордо озвучивала свои планы всем и каждому. Верила, что смогу, и мне вряд ли что-то сможет помешать.

А сейчас я сижу на корточках в непротопленном вагончике, выполаскивая песок и глину из волос.

– Маш, обрежь мне длину, – я просушиваю волосы полотенцем. – Сними сантиметров десять, – разбираю пряди пальцами и прочесываю массажной

расческой.

– Не сегодня, уже не успеем. Да и не было бы проблем, если бы кто-то надел шапку.

– Я не успела, – я отвечаю, переставляя низкий табурет ближе к печи. – Нина Анатольевна задержалась.

– Знаю-знаю. Суши, – сестра указывает подбородком на печь, открывает дверь, выплескивает воду прямо с порога и наливает чистой холодной воды в таз.

– Тебе совсем не холодно? – я передергиваю плечами, представляя, как по моей спине льются ледяные струи.

– Нет, – Маша отвечает с улыбкой. – Холодная. Теплая. Нет никакой разницы. Хоть какой-то плюс.

***

Рабочая смена ничем не отличается от множества других. Сотни человеческих лиц мелькают перед взором, сменяясь одно за другим.

– Девушка, дайте…, – а дальше подставляйте все, что вашей душе угодно: пачку сигарет, бутылку минералки, упаковку семечек или жвачку.

– Софья, сегодня нужно поработать до восьми, – Нина Анатольевна сообщает по телефону в ультимативной форме.

– Но…, – пытаюсь возразить, отсчитываю сдачу.

– Я помню, о чем мы с тобой договаривались, ты уходишь за час до заката, чтобы не возвращаться по темноте. Но и ты не забывай, что имеешь работу благодаря моей доброте, – отрезает владелица магазинчика. – Буду в восемь. Так и быть, Толя подвезет тебя до поселка.

– Спасибо, – я благодарю, улыбаясь следующему клиенту.

Я изредка поднимаю взгляд на циферблат круглых часов, кажется, что минутная стрелка сошла с ума, ускорив свой бег минимум вдвое. За окном слишком быстро сгущались сумерки, а на душе разрасталась тревога. Маша сойдет с ума, если я не вернусь к шести, и у меняя нет никакой возможности предупредить.

– Беги, Толя тебя ждет, – наконец, порог переступает владелица магазина.

Повторять дважды ей не приходится. Я оставляю рабочий телефон и ключи от кассы на стойке, срываю куртку с крючка, накидывая ее на плечи выбегаю на улицу.

– Вечер добрый, Софушка, – открыв пассажирскую дверь, мужчина ожидает у автомобиля.

– Добрый вечер, дядь Толь, – я ныряю внутрь.

– Торопишься? – интересуется он, с трудом обхватывая круглый живот ремнем безопасности.

– Очень. Сестра волнуется, – я перевожу взгляд на крохотные наручные часы. Половина десятого

– Пристегнись, довезу с ветерком, – мужчина по-отечески хлопает меня по коленке и выезжает на трассу.

– Дядь Толь, вы не могли сделать музыку тише, – я с ужасом всматриваюсь в непроглядную темень за окном автомобиля.

– А что такое?

– Не хочу собрать всех соседских собак, добираясь до своего участка.

Мужчина понимающе хмыкает и сворачивает к нашему поселочку:

– Дальше уж извини, Софушка, не поеду. Застряну в вашей глине, и придется ждать весны, – он тормозит на границе, где асфальтированная дорога сменяется грунтовой.

– Дядь Толь, тут буквально двести метров, а дальше опять асфальт.

– Не поеду, и не проси, – отмахивается он. – Доброй ночи, – прощается, всем своим видом указывая, чтобы я освобождала автомобиль.

– И вам, – я выхожу и мягко закрываю дверь, не желая издать ненужный мне сейчас шум.

Дядя Толя же, прибавив громкость магнитолы на полную, срывается с места.

– Вот черт, – интуитивно выбираю неосвещённые участки дороги и буквально крадусь, прислушиваясь. Да разве можно что-то расслышать, когда зычное пение народной артистки перебудило всех собак? Ускоряюсь, в надежде, что за лаем не расслышать моих шагов. Ничего, – успокаиваю себя. Если вчера “трущобы” прочесывал охотник, то он вряд ли появится сегодня. И в тот момент, когда удалось убедить себя в безопасности, где-то в глубине дачного массива разносится нечеловеческий визг. Лай в мгновение замолкает, а неестественную тишину не нарушает даже дуновение ветра. От ужаса на моей шее поднимаются мягкие волоски, и я слышу собственное дыхание.

Живодеры.

Только с их появлением замолкает все живое. Собаки чувствуют хищника сильнее, забиваются в щели… как и те, кто вынужден жить в ветхих домиках, прячутся с появлением роя. Если охотники приходят за определенным человеком или нелюдем, то живодерам абсолютно все равно, кто встретится на их пути. Для них все мы – игрушки. Игрушки для кровавого, ничем не оправданного своей жестокостью развлечения.

С ними невозможно договориться или бесполезно умолять их о пощаде. В девяноста девяти процентах из ста встреча с живодерами приравнивается к смерти, и если повезет и кто-то из роя будет голоден, то быстрой.

Я втягиваю голову, мои колени полусогнуты, перемещаюсь короткими перебежками. После каждой останавливаюсь и прислушиваюсь, и ничего – тишина, меня будто отправили в космос, а собственное дыхание кажется громким хрипом.

Оглядываюсь – несколько фонарей тускло освещают грунтовую дорогу, с неровностями и ямами, полными рыжей грязи, всматриваюсь в темноту перед собой, человеческому глазу ничего не разобрать. Только кое-где силуэты низких дачных домиков подсвечивает редкое освещение. Наш участок находится во втором ряду от края дачного массива, и я лелею себя надеждой, что успею вовремя добраться до укрытия.

Я не хочу оставаться на месте, но и нестись сломя голову, не зная, что ожидает впереди, не готова. Ступаю, крадучись, до боли в глазах всматриваюсь под ноги: один неверный шаг, и мне не спастись.

Мелькает мысль вернуться к дороге, бежать к трассе что есть сил, надеясь, что живодеры двинутся в противоположную сторону или найдут себе жертву раньше, чем услышат мое гулкое сердцебиение и топот твердых подошв кед.

Шаг, второй, третий – я изредка поднимаю голову, ищу взглядом возвышающиеся, служащие мне ориентиром, голые ветви соседской яблони.

Тишина становится звенящей.

Мне нестерпимо хочется откашляться, но я лишь сглатываю и сглатываю вязкую слюну, борясь с першением в горле.

Крик повторяется. Более громкий. Отчаянный. И вновь все замолкает.

Я на мгновение остановилась, зажмурилась, сделала глубокий вдох и распахнув глаза побежала, забыв о всякой безопасности. Сейчас у меня есть шанс на спасение, крохотный, даже призрачный, но это лучше, чем ничего.

По моей спине струятся ледяные капли поты, а лицо горит огнем.

Обостренный адреналином слух улавливает в дали голоса, возбужденные, агрессивные. Живодеры грызутся между собой словно свора собак. Глухие удары, выкрики, визги бедолаги, что не смог от них укрыться, но все померкло перед истеричным хохотом. Неровным. Глумливым. Болезненным.

– Да что ты опять встала?! – выныривая из темноты, сестра хватает меня за руку и дергает на себя. – Беги! Быстрее! – я не разбираю дороги, полностью доверяю Маше, бегу на пределе сил. Спотыкаюсь, падаю на четвереньки, сбивая ладони, поднимаюсь и бегу вновь.

Пугающие звуки гонят нас сквозь дачные участки. Мы продираемся через разросшиеся кусты малины и давно не знавшие ухода деревья и кустарники. Половина дачного массива заброшена, не просто оставлена на зиму, а не посещается своими хозяевами в течение несколько лет. С каждым годом дачный поселок обрастает историями и их жуткими подробностями об убийствах и пропажах людей. Летом дачники стараются уезжать до темноты, ну а тем, кому не повезло, – таким, как мы с Машей, ничего не остается. Мы вынуждены выживать.

Мы выныриваем из темноты у границы нашего участка. С остервенением раскидываем мусор, освобождая проход в укрытие. Маша не дожидается, пока я спущусь по лестнице, сталкивает меня в непроглядную черноту. Ныряет за мной, задвигает дверцу, лишая хоть какого освещения.

– Нормально? – спрашивает сестра.

– Да, – шепчу. Если бы я сейчас случайно подвернула ногу, то вряд ли обратила бы внимание на боль. – Меня хозяйка задержала, – оправдываюсь, а тело начинает бить крупной дрожью.

– Потом расскажешь, – одергивает. Маша надавливает ладонями мне на плечи, усаживает на низкую скамью. – Живодеры поймали ту парочку, – я молчу. – Ну ту, что выгнали родители, помнишь? Паренек и совсем молоденькая девчонка, – уточняет зачем-то.

– Помню, – выдавливаю я из себя.

Мое тело ходит ходуном, а при попытке заговорить зубы колотятся друг о друга.

– Сколько ей? – спрашивает сестра.

– Пятнадцать исполнилось, – отвечаю, смахивая одинокую слезинку.

– Сонь, в следующий раз нужно быть внимательней, ты шла прямо на рой. Сегодня живодеры изменили своим привычкам, зашли со стороны оврага, а не лесополосы.

«Будет ли следующий раз?» – я хмыкаю про себя.

– Ты точно не ранена? У тебя кровь? – интересуется сестра.

– Когда ты последний раз питалась? – я отвечаю вопросом на вопрос.

– Три дня назад.

– Но ты же говорила, что питаешься каждый день? – я чуть было не восклицаю и вовремя перехожу на взволнованный шепот.

– А что я должна тебе ответить? Ты же начнешь предлагать… Тише, – по дуновению ветерка понимаю, что сестра жестом оборвала мои возмущения.

Тихий стук о дверцу заставляет вздрогнуть всем телом. А за ним еще один и еще. Капли дождя хаотично барабанят по металлической поверхности.

– Ливень – это хорошо. Смоет наши следы.

– Почему ты молчала, что голодна? – возвращаюсь к волнующей мне теме.

– Я всегда голодна, Сонь. Уже ровно год как чувство голода меня никогда не покидает. Немного притупляется, когда удается насытиться кровью, но никогда не исчезает полностью. Я привыкла. Да и в крайнем случае я всегда могу воспользоваться животной кровью.

– Нельзя же так рисковать, – я замолкаю, не желая поднимать тему прошлого.

Несколько месяцев я считала родителей и сестру пропавшими. В один момент они просто исчезли, не вернулись домой. Без объяснений, долгих разговоров или хотя бы пары слов в коротенькой записке, наспех набросанной на клочке бумаги. Сестра вернулась спустя два с половиной месяца, а родителей я больше не видела. Знаю лишь со слов Маши: мама и папа погибли в бою с оборотнями.

В этот день я вновь обрела сестру и узнала о существовании нелюдей; слушала сбивчивый рассказ Маши, хмурилась, жалела ее, думая, как бы ненавязчиво предложить обратиться за помощью к врачу, но все сомнения отпали, когда острые клыки впились в мое запястье. Сестра пила кровь жадно, зафиксировав мою кисть пальцами, словно стальными клешнями. Не слышала моих слов, просьб, мольбы, криков. Не чувствовала моих щипков, ударов.

Она никак не комментирует слова, молчит и спустя вечность тишины произносит:

– Выстрелы.

Я прислушиваюсь к хлопкам.

– Охотники, – комментирует сестра. – Вчера тот, кто приходил, искал следы роя. Нам нужно лишь переждать, – делает выводы. – Сонь, замотай раны, – голос сестры садится.

– Мне нечем, – я прячу саднящие ладони под колючим шерстяным свитером.

– Как думаешь, еще долго будет охота? – Маша старается отвлечься.

– Не знаю, – я пожимаю плечами. Меняю позу, тонкая подошва липнет к размокшей глине. Дождевая вода стекает по стенам и медленно собирается на дне убежища.

– Если ливень продолжится, может размыть вход, – Маша озвучивает мои страхи.

– Нам бы продержаться до утра. Можно попробовать вернуться в квартиру, хотя бы на пару дней. Я уже забыла, что такое тепло, чистая и мягкая постель, – с шепота я перехожу на мечтательное попискивание.

– Можно. Пойдешь одна. Сомневаюсь, что обо мне забыли. Прошел уже год, а охотники с завидной регулярностью прочесывают весь город. Говорят, правящие Темных и Светлых заключили мирный договор и всеми силами стараются его соблюдать. Подчищают ошибки прошлого. Избавляются от нас – неучтенных, – рассказывает Маша.

– Тук, тук, тук, – ласковый женский голос смешивается вместе с редкими ударами капель дождя. – Кто в землянке живет? Кто в неглубокой живет?

Сестра резким движением зажимает мне рот, прижимает к влажной стене и шепчет:

– Сиди, не высовывайся. Я вылезу одна. Досчитай до тридцати и только тогда беги. Беги к трассе. Поняла меня?

Я отрицательно закрутила головой.

– Если это охотник, то у тебя есть шанс. Им не нужны люди. Вряд ли ты кому-то успела перейти дорогу и на тебя заказ, а если это живодеры, то шансов нет ни у одной из нас.

– Тук, тук, – повторил женский голос. Обманчиво ласковые ноты сменились на угрожающие. – Я твой друг, – от последних слов по спине побежали мурашки.

– Я ее уведу, – Маша встряхнула меня. – Считай до тридцати. И беги! Я сама тебя найду. Не возвращайся, – она оттолкнула меня и в тот момент, когда дверца отлетела в сторону, открывая наше убежище, ловко подтянулась на лестнице и выпрыгнула.

Я отпрянула в тень, скользя по рыжей жиже.

– Она моя, – пропел женский голос. – Проверь яму.

И тут мое сердце пустилось адским галопом. Я забыла, как дышать, прислушиваясь к тяжелым шагам на поверхности, черный силуэт закрыл лаз, и меня ослепил яркий свет:

– Пацан, – окликнул мужской голос, – не заставляй за тобой спускаться.

Глава 2.

Ивар

– А ты что здесь делаешь? – князь Темных вампиров застыл напротив меня. Замер в своей раздражающей манере, не моргая и не шевелясь.

– Что и остальные, ищу работу.

– Удивил, – произнес безэмоционально Александр, – я ожидал, что в связи с некоторыми обстоятельствами ты будешь требовать к себе особого отношения.

– Например? – уточнил я.

– Не знаю, – на бледном лице шевелились лишь губы, – самые простые и денежные заказы, к примеру, или обращение. Захотелось вечной жизни?

– Зачем она мне? Я охотником был, охотником и останусь.

– Ты хотел сказать: охотником и умру? – лицо вампира озарила искусственная улыбка. – Похвально. Нет, действительно похвально. Но глупо. И раз ты не настаиваешь на сиюминутном визите как родной брат моей истинной, то тебе придется потомиться в ожидании, – он обернулся вокруг своей оси, оглядывая просторную, но душную залу. – Некоторые из них ждут встречи не первые сутки.

– Не забудь, что я человек, и вполне могу умереть от старости, – я провожал князя взглядом.

– Забавно, – обернулся Александр. – Правда. Не знал, что у людей твоей профессии есть чувство юмора, – наконец, он двинулся к кабинету.

– Сам удивлен, – я расслабился и опустился в кресло. Сполз так, чтобы голова упиралась в низкую спинку. Закрыл глаза. Нет сил и желания наблюдать за статичными лицами кровососов. Неестественные и отталкивающие, будто в музее восковых фигур, с одной лишь существенной разницей: там прохладней, а здесь приходится обливаться потом, липнуть к обивке мебели. Вампирский улей по праву можно ненавидеть не только за самих вампиров, но и за извечную духоту и отсутствие полноценного освещения. Зала, в которой я сейчас дожидался приема дражайшего правителя Темных, имела двенадцать огромных

окон, но ни одно из них не было открыто, погружая помещения в полумрак. Я оттянул ворот водолазки и, растерев влажную шею, повернулся на звук открывавшейся двери.

– И не сомневался, – я прошептал себе под нос.

В кабинет пригласили незнакомого мне вампира. Возможно, кто-то из новообращенных, хотя… Я прервал непрошеные мысли, пытаясь подремать. Все же в улье есть и плюс: тишина. Вампиры не производили лишнего шума. Беседы на грани слышимости и бесшумные шаги создавали иллюзию одиночества.

– Я поражаюсь твоей выдержке, охотник, – женский голос узнаваем, перед закрытыми веками проявился образ рыжей вампирши. Гибкий силуэт высокой фигуры и копна огненных волос. – Как ты можешь спать, зная, что в любой момент тебя прикончат?

– Как видишь, могу. И никакой разницы нет, открыты мои глаза или закрыты. Если что-то пойдет не так, и, – я встречаюсь взглядом с Риммой, – меня захотят убрать здесь и сейчас, то вряд ли я смогу противостоять в прямом бою. Из этого получается: нервничать глупо.

– Ты меня удивляешь, – вампирша подхватывает пустующее кресло и переставляет его ближе к моему. – Не возражаешь, если присяду рядом? – опускается плавно, перекидывает длинные волосы через спинку кресла и копирует мою позу.

– Ты все равно уже села. К чему вопрос?

В ответ вампирша прикусила нижнюю губу и хитро прищурилась. Живая, эмоциональная, как новообращенная, но при этом сдержанная.

– Как давно тебя обратили? – вопрос возник сам собой.

– А сам как думаешь?

– Не самая приятная человеческая черта: отвечать вопросом на вопрос.

– А я и не человек. Но все же?

– Если взять в расчет твое имя, точно не больше сотни лет. Думаю, около пятидесяти, – произнес я наобум.

– Угадал. Прошло сорок семь лет с момента обращения, – улыбнулась Римма. – Теперь моя очередь задавать вопросы.

– Вопрос, – поправил я, – и не факт, что я отвечу, – обвел взглядом присутствующих. Вампиры не скрывали интереса к нашему разговору, прекратили другие беседы и бесцеремонно наблюдали.

– Ну все же я попробую, – рыжая сменила расслабленную позу: села на край кресла и подалась вперед, выдавая свой интерес. – Почему ты охотишься? Тебе не хочется нормальной жизни?

– А я больше ничего не умею, – я закрыл глаза, не желая продолжать болтовню. – И всем нужны деньги.

– Я уверена, что тех денег, что ты успел заработать, хватит на три человеческие жизни, а возможно, и больше.

– Смотри в свой кошелек, вампирша, – огрызнулся я.

– Ясно, – хмыкнула рыжая. – Боишься. Как и все.

– Не боятся только дураки. Сейчас я несу ответственность только за свою шкуру. Удобно. Лишние заботы мне ни к чему.

– Циник, – она делает вывод.

– Разумный, – поправляю я.

– Одиночка.

– Реалист.

– Но все же? Разве не хочется возвращаться домой и знать, что там тебя ждет любимая женщина? Или держать собственное дитя на руках? – допытывается Римма.

– Что тебе нужно? – я не стал скрывать раздражение.

– Ничего. Я девушка одинокая, – вампирша обаятельно улыбнулась.

В комнате пробежался шелест тихих голосов.

– Врать ты так и не научилась, Римма. Кто у тебя остался из человеческой жизни? Родители? Нет, – я покачал головой. – Муж? Сомневаюсь, что сквозь годы пронесла и сохранила любовь. Дети? Угадал. Ребенок. Он еще жив?

– Не твое дело, – зашипела она, зло сузив глаза.

– Как и моя жизнь. Я все потерял, еще будучи ребенком, а вот тебе есть за кого переживать, – мы сверлили друг друга пристальными взглядами. В зале окончательно стих шелест других разговоров. – Так вот почему ты участвовала в Эйтла Ферату. Добиваешься обращения дочери или сына?

Вампирша молчала, упрямо смотря в район моей переносицы.

– Князь ожидает, – присутствие правой руки Александра стало для меня неожиданностью. – Вас двоих, – добавил Малис. – Темнейший настаивает.

– Кто мы такие, чтобы противиться его воле? – я одернул манжеты и поднялся на ноги, протягивая раскрытую ладонь рыжей.

Александр не изменял себе. Вальяжно развалившись на низкой тахте, лениво блуждал взглядом по потолку.

– Вы догадываетесь, почему я вас пригласил? —поинтересовался, медленно поворачивая к нам голову.

Вампирша отрицательно покачала головой, а мне ничего не оставалось, как ответить:

– Подозреваю, ты слышал наш разговор и захотел развлечься.

Мы с вампиршей остановились на незримой границе, что не принято пересекать в кабинете Александра, – несколько вечно пустовавших кресел служили разделительной чертой между визитерами и князем.

– И да, и нет. Я хочу предложить вам работу, но работать придется вместе, – даже в статичном лице я уловил довольство собой. – А что молчите и не интересуетесь заказом?

– Я предпочитаю работать один. И с каких пор ты стала охотиться? – я обратился к Римме.

Вампирша недовольно мазнула по мне взглядом:

– Что за работа, князь? – спросила она.

– Нужно исправить ошибки прошлого. Не мои, конечно. Наших дражайших друзей. В один прекрасный день корона слишком сильно сдавила головы Высших Светлых, и они создали небольшую армию новообращенных, пытаясь отомстить за старые обиды оборотням. С основной массой новообращенных справились как раз оборотни, но остались изворотливые единицы, и как результат – неконтролируемый рой, разгуливающий по городу. Ивар, когда ты последний раз просматривал сводки погибших при странных обстоятельствах или пропавших без вести?

– Давно, – ответил честно. После несостоявшейся схватки в ночь Эйтла Ферату я не особо следил за событиями в городе, как и несколько месяцев до. Меня полностью поглотила гонка по следам сестры. – Насколько небольшой рой? – уточнил.

– Возможно, десять-пятнадцать особей, – ответил князь.

– И что мы вдвоем можем противопоставить пятнадцати не контролирующим себя вампирам? Больше похоже на самоубийство, чем на заказ. Не знаю, как ты, рыжая, я еще хочу жить.

Вампирша согласно качнула головой.

– От вас требуется не зачистка, а лишь поиск роя, а после на сцену выйду я. Должен же князь Темных вселять трепет и ужас в своих и… чужих подданных? – произнес Александр пафосно.

– Должен, – подтвердил я, блуждая взглядом по стенам. Гобелены с кровавыми сценами битв едва заметно раскачивались, оживляя композиции.

– Что-то не вижу энтузиазма в ваших глазах, – Александр плавно принял сидячее положение.

Если Римма не скрывала своей заинтересованности в заказе, то я не торопился его принять:

– Мы еще ничего не слышали о гонораре. Быть может, озвученная сумма прибавит нам желания. И слишком много “но”. Рой не контролируем несколько месяцев, выходит, те, кого ты отправлял, не справились с поиском? И я посмею сделать вывод: их больше нет, – я высказала предположение.

– Верно, – князь подтвердил мои опасения.

– А почему бы Высшим самим не заняться проблемой? – я задал следующий вопрос.

– Мы и займемся, когда вы выполните свою работу.

– Понял. Не по статусу лазить по трубам городской канализации, – заметил я.

– Верно, охотник, – холодно ответил князь, – это ваша работа. За которую я собираюсь заплатить приличную сумму. Если справитесь за неделю, я ее удвою, и обещаю подумать над твоим вопросом, Римма. Даю вам тридцать секунд на размышление.

Губы вампирши дернулись в улыбке, но тут же на красивом лице отразился испуг:

– Охотник, ты должен согласиться.

– С чего бы?

– С того, что тебе нужна была работа. Разве нет? – наседала Римма.

– Так ты сама говорила, что заработанных мной денег хватит на несколько человеческих жизней. К чему мне рисковать?

Князь даже не пытался изобразить заинтересованность в исходе нашей перепалки, принял прежнюю позу: вытянулся в полный рост на тахте и, закинув руки за голову, покачивал носом лаковой туфли

– Я отдам половину своего гонорара, – недовольно прошипела вампирша.

– Две трети, – предложил я.

– Не наглей.

– Считай это платой за риск. Так и быть, если меня прикончат, все деньги твои.

– Хо-ро-шо, – произнесла Римма по слогам, недовольно тряхнув рыжей копной.

– По рукам, – я подмигнул недовольной вампирше. – Князь, есть хоть какая-нибудь информация, кроме той, что ты нам рассказал?

– Рой передвигается по окраине города, избегая территории оборотней.

– А замечали их где-то больше одного раза? – уточнил я.

– Думаешь, они будут тебя ждать? – хмыкнул Александр.

– Уверен. Как давно твой улей расположен здесь? – я задал вопрос.

– Несколько столетий. С момента основания города.

– Что и требовалось доказать. Когда вампир находит относительно безопасное место и свободный доступ к пище, то вряд ли задумается о миграции.

– Ты меня огорчаешь, – Александр впервые за долгое время моргнул. – Я не хочу думать, что мы такие предсказуемые. Свободны, – указал на дверь.

Ни я, ни Римма не желали задерживать или раздражать правящего Темных, поспешили покинуть кабинет.

– Я, кажется, знаю, о каком месте идет речь. На глаза попадались статьи, – вампирша, не отставая, шла в ногу со мной.

– А если так все просто, почему бы князю быстро не решить проблему? – мы преодолели последние ступени и вышли на улицу.

– А кто сказал, что просто?

– Ты, – я снял автомобиль с сигнализации, приглашая жестом занять пассажирское место.

– Объясню сложность, но не здесь, – Римма оборвала меня, открывая дверь. – Серьезно, ты ездишь вот на этом? – скривилась, осматриваясь в салоне автомобиля.

– А что тебя не устраивает?

– Теперь хотя бы ясно, зачем тебе две трети моего гонорара. На новую машину, – сделала вывод вампирша.

– Чем меньше я привлекаю внимание окружающих, тем лучше. Не запоминающееся авто, ничем не примечательная внешность – гарант моей спокойной и относительно долгой жизни.

– С внешностью я бы поспорила, – вампирша откинулась на сиденье и не проронила ни слова, пока мы не выехали с территории особняка. – Ходят слухи, что рой все же имеет хозяина. А Александр не хочет подорвать мирный договор недоверием. Согласись, князь Темных вампиров, блуждающий по трущобам

города, будет выглядеть как минимум странно.

– Не поспоришь.

– Поэтому ему нужны мы. Я считаю, – продолжила вампирша, – Светлым было проще изображать видимость работы в знак примирения и извинений. Убирать своих же новообращенных, как видишь, они не торопились, да и не особо старались. И еще, я думаю, цель Александра: побеседовать лично с кем-то из роя, найти доказательства причастности князя Светлых.

– А вот это уже не наше дело. Никогда не лезь в проблемы тех, кто намного сильней и выше тебя по положению, – предупредил я.

***

После трех часов, проведенных перед экраном ноутбука, и нескольких звонков я пришел к выводу, что вампирша права. Все указывало на то, что рой обосновался в западной части города, и если перемещался, то делал это незаметно, не оставляя за собой кровавых следов. Я сделал несколько пометок на карте, собрал обязательный минимум для ночных прогулок и набрал номер рыжей:

– Не хочешь осмотреться?

Спустя полтора часа мы шли вдоль низких деревянных заборов.

– Мрачное местечко, – вампирша потянула за верх покосившуюся калитку. – Ты заметил, что ни в одном из окон не горит свет? Хотя я отчетливо слышала человеческое сердцебиение, – она торопливо обошла заросший участок. – Тут проходил вампир. Но никак не рой.

– Это мог быть кто угодно, – я прислушался к собачьему лаю. – Музыка?

– Да, – Римма подтвердила мое предположение и свернула в проулок. – Где-то тут обосновался вампир, его следы повсюду, – силуэт рыжей терялся во мраке. – Я тебя найду, охотник, ты же тоже что-то заметил?

А мне не давал покоя собачий лай, он не был беспорядочным, кто-то перемещался от трассы вглубь массива. В какой-то момент мне показалось, что я слышу шаги. Замер, осмотрелся – скудные лучи редких фонарей и полное отсутствие освещения в домах придавали им ощущение полного запустения. Но вампирша была права, здесь жили: протоптанные тропинки, белье, развешанное прямо на заборе, мешки с мусором.

Лай затих в момент, словно кто-то отключил звук.

Пальцы привычным жестом нащупали прохладу оружия.

– Только дождя нам не хватало, – вампирша вынырнула справа от меня. – Сейчас все следы смоет.

– Слышала выстрелы? – спросил я, всматриваясь перед собой.

Римма приложила палец к моим губам и медленно обернулась вокруг своей оси. По лицу и плечам били крупные капли, пропитывали одежду и скатывались ледяными дорожками по шее и спине.

– Слышала, – прошептала, подойдя вплотную. – Ты откуда пришел? – я молча указал направление. Вампирша проследила взглядом и улыбнулась. – Там, – она ткнула на груду мусора. – Меня следы привели оттуда, – ее указательные пальцы сложились в клин, соединив две невидимые линии. – Тут, – произнесла одними губами. В вампирше проснулся хищник, бесшумно и грациозно Римма приближалась к завалам. – Тук, тук, тук. Кто в землянке живет? Кто в неглубокой живет?

Присев, я следил за потоками воды, стекавшими под крышку холодильника.

Римма вскинула руку, показывая, что внизу прячутся двое.

– Тук, тук. Я твой друг, – повторила, по-кошачьи переминаясь с ноги на ногу, и отшвырнула металлическую дверь.

Кажется, иметь вампира-напарника не такая и плохая идея, как я думал раньше.

Женская фигура, выскочившая из узкого лаза, словно черт из табакерки, оттолкнув Римму скрылась во мраке.

– Она моя. Проверь яму, – крикнула вампирша.

А это задача не из легких. Я обошел узкий лаз, не представляя, как смогу протиснуться сквозь него, осторожно заглянул, разрезая непроглядную темноту лучом фонарика.

– Пацан, не заставляй за тобой спускаться.

Паренек дернулся, прикрыл ладонью глаза и глубже забился в угол.

– Эй, – окликнул я. – Хочу предупредить, я не люблю повторять дважды, – в свет фонарика попадали лишь носы обуви, утопавшие в жиже. – Считаю до трех. Раз. Два. Три.

Щелчок предохранителя оказал нужный эффект.

– Не стреляйте. Я человек, – вскрикнул женский голос.

– Ты девчонка, что ли?

– Я человек.

– Покажи клыки, – приказал я.

Девчонка вскинула голову и, убрав ладони от лица, изобразила подобие улыбки, приподнимая верхнюю губу.

– Допустим, человек, – произнес я, осмотревшись. – Наверх, – скомандовал и отошел на пару шагов назад. – Побыстрей, – наконец, макушка в темной вязаной шапке показалась над землей.

– Зачем это? – она выпрямилась, взглядом указала на пистолет в моих руках. – Я же сказала, что человек, – и так натурально изобразила испуг, что любой другой

с легкостью бы поверил.

– Рот открой.

– Я человек, – повторила она в очередной раз.

– Хорошо, человек, язык можешь не показывать, я не врач.

Девчонка сморщила нос, задрав голову, уставилась на меня, испуганно рассматривала. Спустилась взглядом к носам обуви и, выпалив:

– Тридцать, – сорвалась с места, лихо перепрыгивая через дыру укрытия.

– Да чтоб тебя, малая, – при первом же шаге мои ноги разъехались на влажной глине. – Стой, – беглянка, шумно дыша, продолжала петлять по узкой дороге. – Буду стрелять, – выкрикнул, прекрасно понимая, что не сделаю этого. Сколько ей? Четырнадцать? Пятнадцать? Ребенок. – Стой, – еще несколько широких шагов, и мои пальцы крепко вцепились в капюшон куртки.

– Пустите! – девчонка дернулась, поскальзываясь и с хрипом падая на четвереньки.

– Не дури, – я тряхнул ее за капюшон.

– Я же сказала, что человек, что вам от меня нужно? – малая упорно боксировала воздух над своей головой, пока я не ослабил хватку и не позволил ей подняться на ноги. – Вы же охотник, не живодер, – она обтерла грязные руки о ткань джинсов. – Вы не убиваете просто так, ради удовольствия, – я замолчал. – Так ведь? – спросила с надеждой.

Черт! Понимает, кто перед ней. От этой мысли на языке проступила горечь. Еще пару минут назад у нее был шанс выжить, а теперь я не имею права отпустить девчонку. Одно из главных правил нелюдей – не оставлять свидетелей своего существования.

Глава 3.

Соня

– Так ведь? – я переспросила, глядя в глаза охотника.

Тусклое освещение не скрывало от меня хмурого выражения лица мужчины, он свел густые брови к переносице, поджал губы и блуждал по мне взглядом, будто оценивая, стою я его времени и усилий или нет.

С его коротких волос срывались капли и скатывались по высокому лбу, совершенно не беспокоя, я же периодически стирала влагу чистой стороной рукава куртки.

Свет фонаря подсвечивал массивную фигуру охотника со спины, делая ее еще более внушительной. Рядом с ним я казалась себе совершенно крошечной и беззащитной, букашкой, что он с легкостью разотрет между пальцев.

– Так, – ответил он коротко, но от тона, каким мужчина произнес единственное слово, вдоль позвоночника проступил холодок. – Ты говорила о каких-то живодерах? Кто они?

– С ними лучше не встречаться, – прошептала я, отступая в тень.

Охотник последовал моему примеру, сократил между нами расстояние:

– Расскажи подробней.

– А вы пришли за ними? – выпалила я и осеклась, чуть не сболтнув лишнего о сестре. – Живодеры приходят раз в неделю, иногда реже, – на воспоминание тело отреагировало нервной дрожью. – Им лучше не встречаться на пути, – я бросила короткий взгляд в сторону, где не так давно слышала крики, полные боли, и глумливое ржание.

– Думаешь, живодеры там? – охотник подошел вплотную ко мне.

– Да. Слышите?

– Ничего не слышу.

– Такая тишина только тогда, когда приходят они, – я шла на контакт, в надежде выжить, дать максимум информации, оказаться полезной: присутствие вооруженного, сильного мужчины рядом повышало шансы пережить набег роя в несколько раз.

– Сколько их?

– Я не знаю точно.

– Больше десятка?

– Думаю, да.

Единожды я видела рой собственными глазами. В этот момент они рвали жертву, отталкивая и бросаясь друг на друга, словно дикие псы. До тошноты гадкое зрелище, крики терзаемого, по которым невозможно определить, мужчина это или женщина, истеричный хохот, брызги крови, нечленораздельные выкрики, хруст и звуки, будто кто-то рвет лоскут ткани.

– Хм, – голос мужчины вибрировал прямо над ухом. – Покажи, где они могут быть.

– Нет, – вскрикнула я.

– Тс-с-с, – шикнул он и зажал мне рот ладонью, прижав к груди. – Ты же не хочешь привлечь их внимание? – я отрицательно покрутила головой. – И я не хочу. Веди, – он выключил фонарик и отпустил меня.

«Мы умрем!» – пронеслось в голове.

Что может противопоставить человек, пусть даже и охотник, десятку голодных вампиров? Я искоса взглянула на мужчину. Темная одежда, ботинки с высокой шнуровкой, широкий пояс со множеством навесных карманов, охотничий нож, по

плечам спускалась кожаная кобура с тяжелым на взгляд оружием. Охотник шел удивительно тихо для человека его комплекции, ступал мягко, не переставая взглядом сканировать пространство. Но как бы он ни выглядел круто и внушительно, вряд ли один человек справится с обезумевшими живодерами.

– Смотри под ноги, – рыкнул он, выбросив руку передо мной, и взглядом указал вниз.

Буркнув: «Спасибо», я переступила смятую пластиковую бутылку и замерла. Мужчина прошел еще пару шагов, обернулся, вопросительно вскинув брови.

– Я не пойду, – я отступила, нарушая тишину треском пластика.

– Тише! – охотник небрежно дернул меня на себя. – Хочешь сдохнуть мучительной смертью?

– Вот именно, что не хочу, – шептала я, глядя ему в глаза. – Если вам нужно, идите сами, – дернула рукой. – Живодеры, скорей всего, еще на участке ребят. Там. Через две улицы крохотный дом из белого кирпича.

– Откуда такая осведомленность? – мужские пальца до боли сжали мое запястье. – За милым, невинным личиком все же скрывается чудовище? – он гадко хмыкнул. – Кого кормила? Их? – дернул головой.

– Никого! – испуганно я прошептала.

– Я похож на дурака? А это что? – собрал рукав куртки, открывая мое запястье со множеством шрамов. – Кого кормила?! Тех ублюдков? Так ты здесь выжила? Хотя можешь не отвечать. Во всех делах о пропавших проходит пацаненок, якобы попавший в беду и располагающий своих жертв к себе плаксивой историей. Я ведь тоже сначала принял тебя за паренька. Темная бесформенная одежда, джинсы, кеды.

– Нет, – из моих глаз покатились слезы, – я кормила сестру. Отпустите, мне больно, – потянула руку, жалобно заскулив. – Это Маша видела! Она видела сегодня живодеров, когда встречала меня с работы. Я освободилась поздно, не вернулась до захода солнца, – тараторила, превозмогая боль. – С заходом солнца

мы всегда спускаемся в укрытие, туда, где вы нас нашли.

– А кто у нас Маша, не та ли фурия, что выскочила из вашего схрона? Скажешь, она тоже человек.

– Она вампир, – не стала отрицать очевидное.

– Рассказывай, – от боли перед глазами поплыли темные пятна.

– Ее и моих родителей обратили чуть больше год назад. Родители погибли в битве с оборотнями, а Маше удалось сбежать.

– Пока все складно.

– А потом началась охота, оборотни были повсюду: на улицах, на вокзалах, в магазинах, придорожных кафе, они долго выслеживали Машу, разгромили нашу квартиру, и мы с сестрой спрятались здесь.

– Очень похоже на правду, молодец.

– Но я и говорю правду. Вы мне сломаете руку, – я вцепилась в мужские пальцы, пытаясь их разжать. – Ни я, ни Маша никогда никому не навредили. Разве мы бы прятались, будь с живодерами заодно? Ой, – выдохнула. Хватка ослабла, и кровь хлынула к онемевшей конечности.

– А чем же Маша у нас питается?

– Мной! – я презрительно выплюнула, облизав соленые от слез губы. – Ясно? Она никого не убивала!

– Наивно так думать с твоей стороны, – шипел охотник, подхватив меня за подбородок.

Ивар

– А это не ваше дело, что я думаю, – малая фыркнула и дернула головой.

– Теперь мое. Одно в твоей истории не сходится.

– Что же?

– Что у тебя за работа, на которую берут ребенка? Вот тут ты и прокололась.

– Мне восемнадцать, и работа обычная, продавцом в “Транзите”, – девчонка произносит название ближайшего продуктового магазинчика у трассы.

– Складно врешь, – а внутри словно что-то оборвалось. Память некстати воскресила сцену из прошлого. В которой вот так же смотрела младшая сестра на вечно пьяного отца. Сжавшись под лестницей металлической горки, пряталась двухлетняя малявка с круглыми от страха и непонимания происходящего глазами, полными слез. Я даже не смог сдержать неуместного смешка, глядя в бездонную зелень. Тот же цвет, что и у Эли.

Давно я не испытывал этой тянущей боли. Я спрятал ее максимально глубоко, там, где жил доверчивый и храбрый белобрысый мальчишка, готовый в любую секунду броситься на защиту сестры и за нее получить отцовских оплеух.

Девчонка в очередной раз дернулась, но с чьим-то диким криком прижалась к моей груди.

– Хватит изображать невинность, – я оттолкнул.

– Это они, – шептала девчонка.

– Сюда.

– Вы идете прямо на них.

– Иду так, чтобы ветер бил нам в лицо. А теперь ни звука, – я отпустил запястье. – Я вернусь. Не советую бежать, – вместо моей руки девчонка вцепилась в ствол какого-то дерева и медленно опустилась, сев прямо на землю.

Звуки роя удалялись, и я шел на них, желая убедиться, что это не компания подвыпивших подростков, пришедших покуражиться, разбив стекла в убогих домах.

Обернулся, темнота поглотила девчонку.

Зачем я ее оставил?..

Не нужно себе врать и говорить, что ради собственной безопасности. Признай, что дал ей шанс сбежать.

Моя нога с мерзким звуком увязла в чем-то мягком и смердящем.

– Черт, – сглотнув моментально собравшуюся слюну, я стряхнул с носа ботинка светло-розовую ленту. Обувь впитала темную кровь и содержимое чьего-то кишечника.

Точно живодеры – девчонка дала им правильную характеристику.

– Нашел, – произнес вполголоса, плотно прижимая телефон к уху, осматривая небольшой участок. – Встреть князя у трассы.

Римма вышла с подветренной стороны спустя секунд тридцать, таща девчонку за руку.

– Шла за тобой. Я за князем. Избавься от нее до прихода Высшего. Девчонка будет только мешать, – вампирша подтолкнула ее ко мне.

Ну почему ты не ушла, пока была возможность?!

Стоит, беспомощно озирается. Вязаная шапка, уверен, что жутко колючая, темная куртка до худых коленей, обтянутых черными джинсами, и кеды, покрытые жижей. Глазастое недоразумение.

Как только рыжая скрылась, девчонка зашептала, прижав руки к груди:

– Я не буду мешать

– Нужно было бежать, когда у тебя был шанс.

– Нет, пожалуйста, – она перевела взгляд с дула пистолета на меня. – Я исчезну. Вы меня никогда не увидите. И я никому не расскажу о вас. Правда, – вместо того чтобы бежать, она шагнула и ухватилась за мое запястье. – Пожалуйста.

– Ты почему пошла за мной?

– Я думала, с вами безопасней, – малая всхлипнула.

И опять этот взгляд. Напоминающий, что когда-то я был человеком, полным сострадания, а не пустой оболочкой, собирающейся убить ребенка.

Девчонка опустила взгляд к ногам и отшатнулась, зажав ладонями рот.

– Боже, – закашлялась, подавляя рвотный рефлекс.

Согласись, Ивар, она не тянет на беспринципную тварь, что с легкостью приведет человека на закланье.

– Сейчас быстро и честно отвечаешь на мои вопросы. Ты меня поняла? – произнес я.

– Да, – девчонка активно закивала.

– Имя, возраст, место жительства. Без раздумий.

– Иванова Софья Алексеевна, восемнадцать лет, улица Мира, дом три, квартира двенадцать, – отрапортовала заикаясь. – А за-зачем вам?

Уверен, я еще пожалею об этом.

– Проверить хочу, что не лжешь, – опустил пистолет. – Слушай меня, Софья Алексеевна, восемнадцать лет. Возвращайся туда, где я тебя нашел. Беги вдоль

лесополосы. Поняла?

– Да. А моя сестра мертва? Ваша подруга ее убила?

– Беги, я сказал, или присоединишься к сестре!

Девчонка бросила на меня настороженный взгляд и сорвалась с места, не задавая лишних «Что?», «Зачем?» и «Почему?». Это отличительная черта людей, привыкших выживать. Бежать по первой команде, спасать свою шкуру, а уже потом интересоваться, от чего.

Сейчас девочка перемещалась на удивление тихо и быстро. Словно крохотный зверек среди вальяжно развалившихся хищников.

Надеюсь, в этот раз ей хватит ума скрыться. Воспользоваться вторым шансом.

Обтерев подошву обуви о пожухлую траву, я вышел с огороженной территории. Тяжелый запах крови и человеческий смрад точно осядут на несколько дней в легких. «Это, наверное, старость» – хмыкнул про себя. Раньше не волновали ни вонь, ни этическая сторона моей работы. Все воспринималось как должное: заказ – деньги.

Крупные холодные капли дождя бодрили, я не позволил себе потерять бдительность, медленно двигался за роем. Их следы без проблем читались на влажной почве. Десяток разнообразных отпечатков обуви и кровавые напоминания о том, что это не просто толпа.

Приближение рыжей вампирши я больше почувствовал, чем услышал. Тело инстинктивно среагировало выбросом адреналина.

– Ну что? – Римма вынырнула из темноты. – Проблем с девчонкой не будет?

– Нет. Где князь?

– Он послал за тобой. Нам туда, – рыжая пересекла заброшенный участок и ускорилась, спускаясь вдоль улицы.

Рубашка вампира белоснежным пятном выделялась среди мрака и творившегося вокруг хаоса. Князь вальяжной походкой прохаживался по клочку земли, покрытому останками: где-то переступал, где-то мерцал, не желая пачкать обувь.

– Здесь не все, – я произнес, спустившись в пологую канаву.

– Я знаю, – Темный отвечал равнодушно. – Не хватает одного, – склонившись, он перевернул чье-то обезглавленное тело – Того, кто мне нужен. В их воспоминаниях я видел заброшенную двухэтажку у стадиона. Найдите и проверьте. Мне нужен обращенный мальчишка: худощавый, с русыми волосами и светлыми глазами. А это были лишь пешки. Контракт не закрыт. Уберите, – тело вампира пошло дымкой и исчезло, оставляя после себя серебристый шлейф.

– Уберите, – Римма верно передала интонацию Высшего. – Приступим?

Я сделал приглашающий жест и, выбравшись на пригорок, подтолкнул ногой женское тело. Вампирша без труда стаскивала тяжелые тела, услышав просьбу принести из машины канистру с горючим обернулась за пару минут.

– Где будем искать? – спросила Римма.

– Там, – кивнул я в сторону, куда предположительно удалялся рой. – Можешь пробежаться?

– Легко, а ты? – она отряхнула ладони.

Я открыл канистру:

– Отойди, – поливая бензином собранные останки вампиров, обошел их по кругу. – Я хочу еще раз осмотреть поселок.

– Ты ничего не найдешь, – фыркнула рыжая.

Дорожка огня, шипя, поползла по влажной земле.

– А я попробую.

– Как хочешь, – Римма безразлично пожала плечами. – До связи. Эй, – окликнула, – не задерживайся, если не хочешь попасться на глаза властям.

– Учту.

– Мог бы просто сказать спасибо.

К машине я возвращался по своим же следам. Шел не спеша, разглядывая трущобы. В первых предрассветных лучах низкие дома превратились в убогие шалаши из старого шифера и почерневшей древесины. Ветхие заборы накренились еще ниже. В каком же нужно быть отчаянии, чтобы жить вот так? И как долго здесь можно протянуть? Именно протянуть – просуществовать, а не прожить. Я лишь на секунду задержался у развилки дороги и свернул в проулок, в котором несколько часов назад встретил зеленоглазую девчонку.

Дверца холодильника так и валялась в нескольких метрах от узкого лаза. После дождя от кучи мусора стекали зловонные потоки перегнивших остатков.

– Так даже лучше, – я облегченно выдохнул, освещая пустую землянку. Останься малая в трущобах, без поддержки сестры погибла бы в первую же зиму.

Мне удалось отойти пару метров, когда за спиной что-то скрипнуло, и раздалось робкое:

– Я здесь.

Девчонка распахнула дверь шире и махнула рукой.

Да чтоб тебя, глазастая!

Я осмотрелся, почти бегом преодолел расстояние до вагончика и втолкнул ее внутрь:

– Ты почему не спряталась?

– Я подумала, тут безопасней, – шепчет и смотрит, словно ждет от меня что-то. – Пройдите, – протиснулась к двери, щелкнув металлической щеколдой.

Не протапливаемое, промозглое помещение, сырость, матрас, одеяло, скудный набор посуды и таз – это все, что окружало девчонку. И, подозреваю, здесь тот максимум, на который она сможет рассчитывать в ближайшее время, а, возможно, и всегда.

– А почему вы пришли? – спросила она с надеждой.

Да что ж ты еще и вопросы задаешь такие неправильные? Те, на которые я и сам не знаю ответа.

– Хотел убедиться, что тебе хватило ума уйти.

– Не хватило, – в зеленых глазах вспыхнула беспомощная злость. – Это самое безопасное место для меня. Тут хотя бы стены крепкие, – зашипела, кутаясь в грязную куртку.

А девчонка права. Оборотни вряд ли сняли наблюдение с квартиры ее семьи, те слишком упрямы, не забывают своих врагов долгие годы. А хуже оборотней могут быть только ушлые родственнички малой, что, скорее всего, успели оформить наследство и быстренько перепродать имущество.

– Идем, – подхватываю девчонку под локоть и открываю дверь.

– Куда?

– В ближайшее время тут все перевернут. Два растерзанных человеческих тела и еще с десяток обгоревших останков. Как думаешь, это привлечет внимание полиции?

– Живодеров больше нет? – она запнулась, засмотревшись на черный столб дыма. – Но мне некуда идти.

– Поживешь у меня. Когда все уляжется, сможешь вернуться.

– Вы шутите? – она вырвала руку.

– А похоже?

– Нет, – малая растерла нос ладонью.

– Слушай, если думаешь, что я хочу тебя убить, то, поверь, я не стал бы усложнять себе жизнь. И сделал бы это намного раньше.

– Я так не думаю, – поспешно заверила девочнка. – Но вы ничего не требуете взамен.

– Суп варить умеешь?

– Суп? Умею.

– Вот и отлично. Меняю твои кулинарные шедевры на кров и пищу.

– И никакого секса?

– Что?! – я не смог сдержать удивления. – Что в твоей голове вообще творится? В твоем мире все обменивается на секс?

– Нет! – вспыхнула малая.

– Вот и в моем нет. А теперь помолчи и закрой дверь вагончика, если не хочешь, чтобы растащили твои и без того скудные пожитки.

– Я просто не понимаю зачем это вам, – девочка поднялась по лестнице, торопливо накинула навесной замок.

– Я тоже.

– Меня зовут Софья. Можно просто Соня, – она старается не отставать, поспевая за моим размашистым шагом.

– Я помню, – я оттянул ворот водолазки. Насквозь промокшая одежда холодной коркой липнет к телу.

– А вас как зовут? – осмелилась спросить малая, когда мы подошли к автомобилю.

Я открыл багажник, скинул кобуру и мокрую куртку:

Девчонка последовала моему примеру: села в автомобиль. Без раздумий и сомнений.

– Мое имя Ивар, – произнес я. – Не страшно? – включил печку на максимум.

– А что мне терять? – Соня спросила слишком весело.

Я мог бы ответить: «Жизнь», – но промолчал.

Ранее утро и отсутствие пробок на дорогах позволили добраться домой к рассвету. Девчонка не спала и тревожно всматривалась в пейзаж за окном. Взглянула на меня, как только мы оказались во дворе типовой девятиэтажки.

– Что, ожидала увидеть крепость с высоким забором и воротами?

Она пожала плечами, вышла и ждала, пока я достану сумку из багажника.

– А вы вот так и ходите? – спросила шепотом.

– Как? – осмотрел, вдруг забыл снять охотничий нож или подсумок с патронами, но на поясе висел лишь фонарик. – Считай, что охранник вернулся со смены. Иди, малая. Я устал.

В лифте девчонка прижалась к дальней стенке и смотрела себе под ноги.

– Проходи, – я распахнул входную дверь. – Обувь и одежду сразу в ванную, я не люблю грязь.

Соня несмело входит и застывает. Приходится толкаться в узком коридоре, спотыкаясь о сумку со снаряжением.

– Ну. Ты что-то ждешь? Или тебе нужна моя помощь? – пока девчонка испуганно озирается, снимаю влажную водолазку и зашвыриваю в приоткрытую дверь ванной.

– Не трогайте меня! – девчонка визжит так, что в ушах зазвенело.

– Я не пущу тебя в таком виде. Не хочу потом травить блох, – я заталкиваю ее в ванную и закрываю дверь.

– У меня нет блох. Я моюсь.

– Или делаешь, как я скажу, или можешь валить на все четыре стороны! – рявкаю.

Еще в детстве я давал обещание тетке, а позже и самому себе, не тащить в дом бездомных кошек и собак… хотя я и сейчас не нарушил. Девчонка не тянула на хромого щенка, если только на взъерошенного котенка, что испуганно шипит при каждом моем движении.

– Не трогайте, сказала! Я так и знала, что за предложением «просто жилья» скрывалось нечто другое, – она поправляет вязаную шапку, натягивая до самых бровей.

Делает вид, что уходить собралась. Ну, ну.

– И что же, по-твоему, за моим великодушным предложением скрыто?

– Да ничего особенного. «Того самого» захотелось! – мелкая на носочки привстала, локти в стороны – точно боевой воробей.

– Это чего это «того самого"? – спросил я, насмехаясь.

Девчонка краской залилась, но нос крошечный вздернула и громко ответила:

– Секса!

– Ой, прости, – я не удержался и расхохотался.

Воробей боевой настрой подрастерял, захлопал растерянно зелеными глазищами.

– Ну хватит уже, – жалобно пропищала Соня.

Я хохотал, уперев ладони в колени, пока порозовевшее лицо девчонки не приняло естественный телесный вид.

– Чего это? Ты пошутила – я посмеялся. А теперь серьезно, – я выпрямился. – Запомни, котенок или клопенок, я еще не определился, будешь глупости говорить, сразу на улицу вылетишь, вернешься в свой грязный вагончик, где из мебели – матрас, а из посуды – алюминиевая ложка. Поняла?

– Да, – тихо ответила она.

– Вот и отлично, а теперь раздевайся и лезь в ванну.

– Вы выйдете?

– Еще чего, я пакет подержу, чтобы тебе удобнее тряпье было выкидывать.

Я подталкиваю мусорное ведро ногой и указываю на него пальцем:

– Сюда складывай.

– Это моя единственная одежда, – Соня запахивает плотнее полы застиранной куртки, покрытой слоем еще не высохшей грязи. – Я постираю.

– Стирай, – я опираюсь на дверной косяк и с безразличием наблюдаю.

Куртку снимает, смотрит в глаза с вызовом, к совести, наверное, призвать пытается или стыду.

– Дай осмотрю, – я отталкиваюсь плечом.

– Зачем? – Соня прижимает грязное “сокровище” к безразмерной шерстяной водолазке.

– Хочу удостовериться, что ты не решишь отблагодарить меня ночью, – девчонка опять заливается краской, – ножичком куда-нибудь под ребра.

– Да смотрите.

Прощупываю и осматриваю куртку с подкладочной стороны:

– Ноги поставь на ширину плеч, – я кладу куртку на стиральную машину.

– Что? Я не буду этого делать! – пятится, пока не наталкивается на край ванны.

– Кажется, мы уже определились, что даже в голодный год я вряд ли рассмотрю в тебе женщину. Максимум – котенка недокормленного.

– А говорили «клопенка» – огрызается мелкая.

– А еще я говорил, что не определился, на кого ты больше похожа. Ну! Или выход там, – кивком указываю на дверь.

Девчонка отставляет одну ногу и раскидывает руки в стороны, отрешенно поднимая голову к потолку.

– Смотрю, опыт есть, да?

Молчит, глаза зажмуривает, будто и вправду насиловать собрался. Провожу ладонями вдоль тонких рук – ее пальцы подрагивают. Спускаюсь вдоль талии – хрупкое тело ходуном ходит.

– Да прекрати трястись, сказал же, не трону, – присаживаюсь, прощупывая низ штанин.

– А может мне нравится! – фыркает Соня.

– А лет-то тебе сколько? Нравится ей…

– В феврале будет девятнадцать, – девчонка сдергивает со стиральной машины куртку и достает из внутреннего кармана бережно обёрнутый в целлофановый пакет паспорт.

– Вот! – я не успеваю встать, а мне тыкают им в нос.

Не врала клопенок, и правда в феврале девятнадцать.

– Сейчас тебе принесу что-нибудь чистое. Оставлю за дверью, – произношу я.

Выхожу из ванной, костеря себя сквозь зубы:

– Заигрался, идиот. Она же говорила, что уже взрослая.

Я не забываю про элементарную безопасность: убираю сумку со снаряжением в свою комнату. Самым сложным оказывается найти что-то из одежды для сорокакилограммовой девчонки.

Звуки льющейся воды стихли.

– Малая, – я громко стучу. – Держи, – в щелку протискивается тонкая девичья рука и выхватывает футболку и спортивные штаны. – Как оденешься, иди на кухню.

Клопенок не торопится, я успеваю спокойно поесть и, прислонившись к стене, потягивать чай.

– Ты что так долго? Все остыло.

– Стирала, – малая крадется вдоль стенки, собирая влажные волосы в косу. Ее взгляд застывает на порции тушеного мяса с картошкой.

– В смысле? Руками?

– Да.

– А стиральная машинка там для чего стоит?

Девчонка пытается замаскировать голодное урчание желудка кашлем и отвечает:

– Не хотела блохастую одежду складывать с вашей.

– Ай, молодец. Ай, уела. Садись, а то грохнешься в голодный обморок. Смотреть страшно.

– А вы не смотрите, – огрызнулась она и шустро заработала вилкой.

Выпрямив спину, я попытался рассмотреть девчонку, скрытую за столом. Футболка висит мешком, прикрывая бедра, и только торчащие из штанин ступни выдают присутствие внутри человека, а не вешалки, как могло показаться. М-да. Обнять и плакать… Я никогда не льстил себе, зная, что для мужчины мог бы быть и выше, но клопенок утопала в моей одежде.

Прожевывая пищу, девчонка поправила горловину, прикрывая худое плечо:

– Спасибо, – произнесла, переведя дух.

– Куда так торопилась? Боялась, отберу?

– Вкусно, – она наконец улыбнулась и потянулась к кружке с остывшим чаем.

– Еще будешь?

– Нет. Живот сейчас лопнет. А можно я возьму? – она с жадностью смотрит на единственную конфету, затерявшуюся среди пакетиков чая.

– Я бы не стал ее есть. Последний раз конфеты покупал еще весной.

– Так можно?

– Бери.

Тонкие пальцы разворачивают яркий фантик, и малая сглатывает слюну при виде шоколадного прямоугольника, покрытого белым налетом.

– Люблю такие, – улыбается, ловя мой взгляд.

– Это меня не касается. В подружки я тебе не набиваюсь. Допивай, – я обрываю и кивком приглашаю следовать. Перезимует и свободна решаю для себя. – Жить будешь в этой комнате, – открываю дверь крохотной спальни. – Не шуметь. Не мусорить. Никого не приводить. В мою комнату без разрешения не входить. С тебя готовка. Ем я много.

– Я поняла, – Соня шагает через порог.

Глава 4. Соня

– Спасибо, – моя благодарность летит в мужскую спину.

Охотник молча закрывает за собой дверь.

Сбылось все, о чем я не так давно мечтала: чистая, мягкая постель, протопленная комната, отсутствие чувства голода и страха, но я прямо сейчас готова поменять все обратно. Вернуться в старый вагончик. Туда, где моя сестра, где все привычно и знакомо. А здесь… – я осмотрела небольшую комнату. Здесь все чужое. Все! Даже одежда не моя, – подтянула штанины и разрешила себе сесть на диван.

Я веду ладонью по подушке, проверяю ее на мягкость. Нет привычной сырости и затхлого запаха, только приятный запах стирального порошка – так мало для обычного человека и так много для меня. Ложусь и накрываюсь тяжелым, теплым одеялом, а меня гложет совесть. Имею ли я право находиться здесь?

Разве это не предательство по отношению к сестре? Идти в дом одного из убийц, есть его пищу, носить его одежду и еще благодарить за это. О чем я думала, когда соглашалась на предложение охотника? Правильно, о себе. Только о себе. Но легко задумываться о морали, когда ты сыта, когда на тебе чистая одежда, и ты не опасаешься, что в любой момент жизнь оборвется.

Усталость должна взять верх, а я продолжаю рассматривать цветочный рисунок постельного белья, терзая себя. «Нужно уходить», – с этой мыслью поднимаюсь с постели. Приоткрываю дверь – тишина. Ни шагов, ни скрипа мебели, словно я здесь одна. А в голове так и пульсирует: “Ты предаешь сестру и родных”.

– Далеко собралась? – мужской голос вынуждает вжать голову в плечи.

А мне и ответить нечего. Мокрые после стирки вещи в руках, наспех надетая куртка и обувь.

Мужской взгляд не выражает ничего, кроме насмешки и ленивого любопытства.

– Дай угадаю, – Ивар опирается плечом на дверной косяк, скрестив на груди руки, он не отводит от меня взгляда. – Совесть заела, – не спрашивает, отвечает. – Перед сестрой, перед родителями, что мертвы, а ты нет. Я могу прямо сейчас открыть дверь, даже штаны с футболкой презентую, но ты подумай, что будешь делать там. Думаешь, гордость спасет тебя от холода или какого-нибудь урода, заглянувшего на огонек в твой уютный вагончик? Сколько ты протянешь одна? Неделю? Две? Кто-то из родных был бы рад твоей смерти? – и каждый его вопрос бьет точно по цели. – Ключ у меня, – протягивает сжатую в кулак ладонь. – Отдать?

И охотник тысячу раз прав.

– Нет, – шепчу я.

– Если передумаешь, оставлю его здесь, – Ивар подходит к тумбе и кладет, вынуждая меня спиной прижаться к закрытой входной двери. – Только не забудь захлопнуть.

– Не передумаю, – ворчу себе под нос, опустив голову и пряча слезы.

Я разуваюсь, развешиваю вещи на прежние места, возвращаюсь в комнату.

Мои мысли не затихают. Они смешиваются с событиями ночи в тревожном сне. Настолько тревожном, что это больше похоже на кошмар, из которого невозможно вырваться. Хочется распахнуть глаза и сесть, набрать полные легкие воздуха, но меня будто кто-то или что-то удерживает. Наконец меня будит болезненный кашель. Горло жжет, в глазах собираются слезы, на любое движение мое тело реагирует мелкой дрожью и болью в мышцах. Нестерпимо хочется пить и спать. Маша была права: я все же простыла. Пробежка в мокрой одежде осенней ночью дала о себе знать.

Я вновь крадусь по узкому коридору. Дверь в комнату охотника отличается от остальных: уверена, что она металлическая, но не решаюсь это проверить, опасаясь быть застигнутой врасплох.

Приоткрываю дверцы кухонного гарнитура в поисках хоть каких-нибудь лекарств. Посуда, пачки с крупами, специи; неужели охотник никогда не испытывает боль или никогда не простужается?!

Сквозь невыносимое давление в висках в сознание проникают щелчок замка, шорох одежды, тяжелое мужское дыхание:

– Что с тобой? – Ивар на ходу снимает легкую куртку и швыряет ее на стул.

Прохладная, шершавая ладонь ложится мне на лоб. До чего же хорошо, – я тянусь вслед руке, прикрывая веки.

– Я заболела, – отвечаю не своим голосом. Низким, охрипшим.

– Вижу. Вернись в спальню. Сейчас найду, чем сбить температуру.

Через несколько минут мужчина собой заполняет отведенную мне крохотную комнату. Не высокий, но мощного телосложения. Он не кажется неповоротливым и тяжелым, все его движения короткие и быстрые. По его вечно хмурому лицу невозможно определить точный возраст. Да я никогда и не умела этого делать.

– Пей, – он вкладывает в ладонь капсулу. – Станет легче.

– Вы мне принесли чай? – заглядываю в огромную кружку в мужских руках.

– Пей, – повторяет он, раздражаясь. – Почему тебе все нужно говорить дважды? Запоминай. Здесь капсулы на вечер и утро. Их должно хватить, – протягивает серебристый блистер, дожидаясь, когда я запью лекарство теплым чаем. – Тот ключ, что я оставил на тумбе, он твой. Если что, закроешь дверь.

– Вы так просто отдаете незнакомому человеку ключ от вашего дома? – мне не удается скрыть удивление.

– Считай, что я идиот, Софья Алексеевна.

Только потом я поняла, что означали слова “если что”.

***

Следующее пробуждение менее мучительное, но жажда заставляет подняться из постели и, крадучись, идти в темноте.

Вновь тишина.

На кухонном столе стакан с водой и рядом яркая капсула. Хочется сказать: «Спасибо» и тут же тихо прорычать: «Я не дурочка».

Утро встречает меня новыми звуками: голоса соседей, скрежет лифта в шахте, лай собаки – вчера я ничего этого не слышала, словно была закрыта в звуконепроницаемой колбе. Хозяина квартиры или не было дома, или он закрылся в своей комнате и не хотел, чтобы я ему мешала.

Я открыла холодильник, и от вида разнообразных продуктов желудок жалобно заурчал.

– Господи, – я подняла глаза и тихо прошептала. – Сыр, – схватила с полки увесистый кусок с крупными круглыми дырками. Горячий сладкий чай и бутерброд с маслом и расплавленным сыром – как же вкусно.

«Мама очень любила сыр» – пришла мысль. Кусочек встает поперек горла, я отодвигаю тарелку, с трудом сглатывая пищу. Аппетит пропадает. Доем позже. Встаю из-за стола и решаюсь осмотреться, стараясь прогнать грустные мысли. Маша бы несколько раз настойчиво произнесла: “Смирись, забудь. Теперь у тебя другая жизнь”.

– Смирилась, – произношу вслух уверенно.

«Больше мне ничего не остается», – добавляю уже про себя. Жить и двигаться дальше, прятать свою боль и по возможности улыбаться. У меня появился шанс выжить, его нельзя упускать. Я бегло осмотрела третью, свободную комнату. Позволила себе заглянуть в коробки, выстроенные ровными рядами вдоль длинной стены. Мужская одежда, обувь, несколько книг, старый фотоальбом – бросила настороженный взгляд за спину и приоткрыла бордовую картонную крышку. С черно-белых фотографий на меня смотрели люди. Обычные семейные фото. Портреты мужчин и женщин, застолье, дети у новогодней елки в нелепых костюмах с мишурой, повязанной на шее. Интересно, – присматривалась к мальчишке в растянутых на коленях колготках, – неужели из него вырос угрюмый мужчина, способный убить?

«Не мое дело», – одернула себя и вернула альбом на место. Кров, пища, защита – это главное, о чем сейчас нужно помнить, и не лишиться всего из-за сиюминутного любопытства. Если охотник единожды проявил милосердие и мягкость, это вовсе не означает, что будет так и дальше. Я поднялась с пола и вернулась на кухню.

Наплевав на усталость и дискомфорт в горле, приступила к приготовлению пищи. У каждого из нас свои обязанности, нужно соблюдать договор. Спустя три часа я перемыла и расставила грязную посуду, оставив горячую пищу на плите.

***

К вечеру звук открываемой входной двери вырвал меня из дремы.

– Ты дома? – женский голос доносился из коридора. Шаги, тяжелый, театральный вздох. – Опять нет, – незнакомка разговаривает сама с собой. – Ивар! – требовательно. – Ивар, – повторяет совсем рядом.

– Здравствуйте, – наконец, я решаюсь объявить о своем существовании.

Молодая женщина вздрагивает, поворачивается и смотрит на меня, словно на диковинного зверька.

– Добрый вечер, – произнесла та с расстановкой. Она осматривает меня. Аккуратные брови взлетают вверх, наверное, отметила на мне мужскую одежду. – А ты кто?

– А вы?

Моя собеседница хмыкает и недовольно поджимает губы:

– Я помогаю с домашними делами хозяину квартиры.

– И я, – отвечаю я, понимая, что она может счесть мои слова за издевку.

– Ладно, – отмахивается гостья пренебрежительно. – Ты мне просто не мешай, – женщина направляется на кухню, а я следую за ней. Она подходит к плите и приподнимает крышки, принюхиваясь. – Ты готовила?

А я отмечаю внешний вид незнакомки. Привлекательный, даже слишком, для человека, что собирался заниматься уборкой или готовкой.

– Я, – я дожидаюсь, когда она отойдет от плиты, и поправляю крышку сковороды, закрывая плотней.

– Ясно. Я не спрашиваю, когда вернется Ивар, этого ты не можешь знать. Но как давно он ушел?

– Возможно, ночью, пока я спала, – мой простой ответ вызывает гамму эмоций на симпатичном лице шатенки.

– Поня-я-ятно, – протягивает та. – Тогда передай, когда Ивар вернется, что я приходила.

– Передам, – так не вовремя закашливаюсь. – А «я» – это кто?

– Он поймет, – женщина, не спеша выходит из кухни, накидывает пальто, бросив на прощание хмурый взгляд.

Кажется, я невольно прибавила Ивару проблем. Ведь эта женщина точно считает себя больше, чем помощницей, а я в ее глазах оказалась соперницей. Мысль забавляет. Клопенок и соперница, – фыркаю.

***

Температура не возвращается в течение всего дня и ночи, в мышцах нет прежней ломоты и нет боли в висках, о простуде с утра напоминает сухой кашель.

– Вы тут? – я набираюсь храбрости и стучу в хозяйскую спальню. – Ивар, – впервые произношу имя охотника вслух. – Вы завтракать будете? – склоняюсь к замочной скважине. Узкая прорезь закрыта. – Вы дома? – без ответа.

Не зная, чем занять себя, курсирую между кухней и комнатой, каждый раз прислушиваясь к тишине за закрытой дверью. Так проходит еще один бесконечный день, наполненной тоской и возрастающей тревогой.

Звуки скрежета лифта среди ночи, шаркающие, тяжелые шаги, и я бегу в коридор, на ходу натягивая объемные штаны. Входная дверь распахивается в тот момент, когда я затягиваю шнур, удерживающий спортивки на моих бедрах.

Ивар устало приваливается к стене и снимает обувь, наступая на пятку. В узком коридоре полумрак, я щелкаю выключателем.

– Выключи, – недовольно щурится. – Что ты тут делаешь? Почему не спишь?

– Услышала шум. Вы ранены?

Чуть ссутулившись и накренившись на правый бок, мужчина придерживается за стену.

– Клопенок, ложись спать, – произносит он устало.

– Я суп приготовила, как и просили, – а меня душат неуместные слезы. – Еще вчера, он в холодильнике.

Что, если и Ивар исчезнет из моей жизни? Его, практически чужого человека, невозможно сравнивать с сестрой, мамой или отцом, но… разве у меня есть кто-то еще?

Абсолютно посторонний и одновременно самый близкий.

Мужчина снял куртку, вошел в ванную и кинул верхнюю одежду в мусорное ведро, не наклоняясь, вдавил ее ступней.

– Не нужно вот этого, – он взмахнул небрежно рукой и поморщился от боли. – Выйди, я сам справлюсь, – из-под раковины он достал аптечку и с тихим ругательством поставил ее на стиральную машину. Освободил левую руку и, подхватив за горловину, попытался стянуть футболку.

– Я помогу, – я сделала шаг.

– Так, – рыкнул охотник, опершись на раковину, – я справлюсь самостоятельно.

– Но вам же неудобно и больно, наверное, – вдоль правого бока вспорота темная ткань. Черные подтеки крови спускались по штанине к бедру. – Что случилось? Вас так долго не было. Я…

– Спать, – Ивар захлопнул дверь перед самым моим носом. – Вот черт, – прорычал сдавленно. – М-м-м, сучьи отродья, – ругался вполголоса, но я все отчетливо слышала, прижавшись ухом к деревянному полотну. – Ты тут?

Что мне делать: признаться или лучше промолчать?

Затаилась.

– Клопенок?

Я не шелохнулась и не издала ни звука.

– Софья Алексеевна, ты приняла лекарство, что я тебе давал? – спросил через дверь.

– Да, – соврала и побежала в комнату. Я закинула капсулу в рот, но оболочка предательски липла к горлу.

Ивар застал меня на кухне у раковины со стаканом в руках:

– Дай, – охотник отодвинул меня плечом и набрал воды, я потянулась в очередной раз, болезненно сглатывая. – Извини, но это мне, – залпом выпил жидкость, сполоснув, вернул стакан на место. – Вранье я тоже не люблю, – придерживая повязку на боку, по стене опустился на табурет и добавил: – Давай суп, замерз как собака.

– Может, вам принести одежду?

Обернув полотенце вокруг бедер, широко расставив ноги, мужчина сидел с закрытыми глазами.

– Ты капсулу-то запей, – он укоризненно покачал головой, – а то еще поперхнешься, – прижался затылком к стене.

– Угу, – я подавила очередной приступ кашля и, склонившись к крану, двумя крупными глотками спаслась от удушья. – А второе греть? – поинтересовалась, выглядывая из-за открытой дверцы холодильника.

Ивар отрицательно покачал головой, произнес на грани слышимости:

– Нет.

На его шее в движение пришли грубые шрамы. Продолговатые полосы, спускающиеся от подбородка к мощной, обнаженной груди, что доходили до солнечного сплетения.

Мужчина неожиданно распахнул глаза:

– Что, и компот сварила? – спросил, насмехаясь.

Голос низкий, с хрипотцой.

– Нет, а надо было? – я отвернулась, изображая равнодушие.

Ивар тихо рассмеялся:

– Ложись спать, клопенок, пока не сгорела от стыда. Я в состоянии сам разогреть супец, – он поднялся на ноги, одной рукой придерживая полотенце, а второй – белоснежную повязку с проступающими алыми каплями на ней. – Кыш, – шикнул, приближаясь.

– Зачем вы это делаете? – я вжалась поясницей в край столешницы.

– Хочу побыть один, если ты еще не поняла. А другого способа, как от тебя избавиться и заставить лечь спать, я еще не придумал, – он уже стоял вплотную. Наши тела разделяло несколько ничтожных сантиметров.

– Но, – я пискнула, окончательно смутившись из-за близости, проскользнула к выходу. – К вам приходили.

– Кто? – спросил Ивар, доставая тарелку.

– Она не представилась.

Ивар громыхнул ящиком со столовыми приборами:

– Что-то сказала?

– Просила передать, что она заходила.

– Ну все, ты передала, а теперь…

– Да, я помню: ложись спать.

Глава 5. Соня

Теперь я уверена, что хозяин квартиры дома: на кухне гремела посуда, доносилась тихая ругань, а спустя тридцать минут я уловила шаги, они замерли напротив приоткрытой двери моей спальни. Я же боролась с желанием распахнуть глаза: лежала, сжавшись в комок, под теплым одеялом.

Мужчина шумно выдохнул.

В его дыхании открыто читалось осуждение, наверное, он хотел сказать: “Клопенок, ты и спишь не так. Могла бы спать лучше, более усердно”.

Прошло не больше трех дней, как я живу в квартире охотника, а у меня появились маленькие привычки: одеться, поставить на плиту чайник, привести себя в порядок и идти завтракать. Но наличие привычек не давало забыть, что я – временное явление в этой квартире. Здесь нет ничего моего.

– Эй, – стук в дверь ванной застал меня врасплох. А еще я привыкла, что никто не мешает утренним процедурам, – Софья Алексеевна, освободи помещение.

И почему обращение по имени отчеству унижает меня больше, чем “клопенок”?

– Доброе утро, – я сухо обронила, выскальзывая из ванной.

– Доброе, – в толстовке, накинутой на голое тело, и шортах, ссутулившись, мужчина прошел мимо меня.

– Все хорошо?

– Все отлично, – в ответ он глубже натянул капюшон и плотнее запахнулся, пряча повязку, пропитанную кровью.

– Сделать чай?

– Сделай, – закрыл дверь.

Ивар занял то же место, что и вчера. Медленно опустился по стене, придерживая свежую повязку широкой ладонью. Я придвинула тарелку с бутербродами. Мужчина медленно пил чай, но к еде не притрагивался. При каждом глотке неестественно бледные губы кривились, а в движениях рук я уловила неуверенность.

Молчание и чувство неловкости гнало меня обратно в комнату. Я отвела взгляд и сосредоточилась на дверце холодильника с разноцветными, яркими магнитами.

– Тебе нужно что-то? – спросил Ивар, отставляя пустую кружку.

– Нет, ничего, спасибо.

– К чему такая скромность? У тебя же нет даже зубной щетки, и ты мне своей шевелюрой проредила зубцы в расческе. Что вздыхаешь, Софья Алексеевна? – его губы дернулись в улыбке.

– Не называйте меня так.

– Хорошо, клопенок, – он все же протянул руку к бутерброду с сыром, откусил, и скривившись, вернул его на тарелку.

– Соня, – поправила я обиженно. – Вам не так и плохо, если вы шутите, – решила тут же реабилитироваться в глазах мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/morrigan_lana/nevinnyy-trofey-dlya-ohotnika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити